

Kubishkina V.O.

THE Gnostic WORLD-PICTURE IN V. S. SOLOVIEV'S POETRY

Kubishkina V.O., Russian Federation, Postgraduate at the Department of Russian and world literature North-Caucasus Federal University

Abstract

The article is dedicated to artistic representation of Gnostic philosophy in V. S. Soloviev's poetry. V. S. Soloviev was the first philosopher, who introduced Gnostic paradigm in Russian intellectual environment. But in modern studies there is a tendency to research the Gnostic aspects only in philosophical works by V. S. Soloviev, while his poetry also depicts individual concept of being, imbued with an ideas of an ancient teaching about secret knowledge. The Russian philosopher's poetry describes the spiritual path of the individual, investigating the Universe, and thus reproduces the Gnostic myth about Pneumatic – the spiritual man, who was lost on earth and looked for a way home – to cosmic Pleroma. The article may be useful for literature courses at schools and universities.

Keywords: philosophy, Sophia, Russian literature, Silver age, spirituality

Введение.

Вопрос о гностических реминисценциях в наследии крупнейшего мыслителя рубежа XIX – XX вв. В. С. Соловьева решается большинством исследователей на основе анализа его философских сочинений. Особого внимания заслуживает и поэтическое творчество русского религиозного философа, в котором отразилась оригинальная художественная картина мира, насыщенная гностическими мотивами. Актуальность исследования состоит в мифопоэтическом осмыслении гностических идей В. С. Соловьева, отраженных в его лирике. Цель – попытка целостного анализа гностического образа мира в поэзии В. С. Соловьева. Цель намечает следующие задачи: 1) определить сущность гностицизма; 2) охарактеризовать гностические источники творчества В. С. Соловьева; 3) описать гностические константы художественной картины мира в лирике философа; 4) сделать выводы.

Материалы и методы исследования.

Весь корпус научных исследований, посвященных различным аспектам творчества В. С. Соловьева, можно разделить на две большие группы. В первую группу входят работы А. Ф. Лосева, В. В. Кравченко, П. П. Гайдено, А. П. Козырева, анализирующих философские труды мыслителя [1–4]. Вторую группу исследований составляют преимущественно статьи авторов Д. А. Шелудченко, Е. А. Черкасовой, В. В. Пасечника по отдельным проблемам поэтического наследия философа [5–7]. Малочисленность работ, раскрывающих особенности художественного творчества мыслителя Серебряного века, подтверждают распространенное и, к сожалению, ошибочное мнение о лирике В. С. Соловьева как иллюстрации к его учению о Софии и Богочеловечестве.

Материалом настоящего исследования послужила лирика В. С. Соловьева 1875 – 1900 гг. Большинство стихотворений было написано в последние годы жизни философа как некий итог творческой биографии. Общее время написания стихотворений позволяет рассматривать лирические произведения в их идейном единстве и таким образом отслеживать этапы эволюции лирического героя линейно и целостно, от текста к тексту.

Выбор мифопоэтического метода исследования предопределен характерной для всей культуры Серебряного века тенденцией к мифотворчеству (Вяч. Иванов), предполагающей создание индивидуального авторского мифа как средство переосмысления мироздания. Методологию исследования по мифопоэтике составили работы А. Ф. Лосева, М. Элиаде, Е. М. Мелетинского [8–10].

Поскольку оригинальная мифология обязательно предполагает присутствие человека в его отношении к миру, то анализ лирики будет проводиться с точки зрения теории диалога М. Бубера, раскрывающей особенности взаимодействия «Я» с различными сторонами объективного бытия [11].

В связи с тем, что авторский художественный мир анализируется с точки зрения гностицизма, целесообразно обратиться к трудам наиболее известных специалистов Т. Чертона, Г. Йонаса, изучивших религиозно-философское учение начала нашей эры [12–13].

Исследователи единогласно отмечают синкретичную природу гностицизма. «Гносис – это философия духовного освобождения. Это также религия, построенная на умозрении и изобретении, – почти антирелигия, и взрыв философии, возвращающий ее к своим мифическим и мистическим истокам. Это магическая религия, которая могла бы стать *философией*, и магическая философия, которая могла бы стать религией» [12].

Исходя из синкретичного характера учения, мы рассматриваем гностицизм как миф, ставший главным компонентом в символистском мифотворчестве начала XX века. Среди вариантов изложения

гностической картины мира наиболее известен миф Валентина. «В гностическом мифе, на который ориентировались поэты-модернисты при создании художественного мира, София – эон, устремившийся в трансцендентную область неявленного Отца, чтобы познать Его. Но поскольку Бог непознаваем, происходит падение Софии в нижнюю часть плеромы (сферы абсолютной полноты). Порожденный ею Демиург, второстепенный создатель несовершенного земного мира, заточил Софию вместе с людьми в плен физического существования, плен телесности. Лишь гносис, знание, освобождающее из ловушки, поможет вернуться в плерому» [14].

Результаты и обсуждение.

Свое понимание сущности гностического учения В. С. Соловьев изложил в Словаре Ф. А. Брокгауза – И. А. Ефрона: гностицизмом «называется совокупность религиозно-философских (теософских) систем, которые появились в течение двух первых веков нашей эры и в которых основные факты и учение христианства, оторванные от их исторической почвы, разработаны в смысле языческой (как восточной, так и эллинской) мудрости» [15].

Такому выводу предшествовала большая работа по подбору и изучению трудов античных философов, ересиологов и Отцов Церкви. А. П. Козырев перечисляет основные гностические источники, с которыми В. С. Соловьев был знаком. Во-первых, это Аскевианский и Бруцианский кодексы, хранящиеся в Британском музее [4]. В Аскевианский кодекс входит «Pistis Sophia», в Бруцианский – Книги Иеу и трактаты об устройстве мира. Во-вторых – «Против ересей» Ириней Лионского – книга, долгое время считавшаяся «протографом» для исследователей гностицизма в силу отсутствия подлинных памятников (их открытие началось с конца XIX века) [4]. Третье ересиологическое сочинение – «Панарион» епископа св. Епифания (название с греческого переводится как «аптечка от укусов ядовитых змей»), обвиняющего гностиков в извращениях. Не менее значимы «Строматы» и «Выдержки из Теодора» Климента Александрийского. В последнем источнике содержатся фрагменты из трактатов Теодора, последователя гностика Валентина, интерпретирующего миф об отпадении Софии.

Схематично система Валентина выглядит следующим образом: 1) дуальное устройство мироздания (плерома – сфера абсолютной полноты и кенома – пустота); 2) иерархия эонов – парных (наделенных мужским и женским признаком) духовных эманаций трансцендентного Отца – истинного Бога; 3) рожденная в результате падения Софии женская сущность без формы (воплощенная в мужском начале); 4) Демиург – «выкидыш» и неполноценное творение Софии, лжетворец; 5) Христос-Утешитель – эон, посланный на спасение падшей Софии; 6) Первочеловек, сотворенный Демиургом и наделенный божественным потенциалом

благодаря Софии, внушившей лжетворцу вдунуть в человека дух, полученный от ангелов Спасителя.

В представлении гностиков человек в своем земном существовании воспроизводит космическую драму Софии, утратившей космос, потому своей целью видел обретение гнозиса, тайного знания, пробуждающего божественный дух и освобождающего личность от оков материального мира.

Художественный мир В. С. Соловьева выстроен в соответствии с дуальными представлениями гностиков о потустороннем трансцендентном мире, скрытом под покровами внешних явлений, и собственно реальности.

Земное бытие тяготит лирического героя; земля как унылая обитель входит в один ассоциативный ряд с долиной (противопоставленной «горнему» миру), садом (в котором произошло грехопадение, согласно библейской традиции), пустыней (вызывающей у героя острое чувство одиночества от безысходных поисков).

Но верится: пройдет сверкающий громами

Средь этой мглы божественный глагол,

И туча черная могучими струями

Прорвется вся в опустошенный дол

[16].

Дол как мир смертных ожидает своего преобразования, и лирический герой верит, что спасение земли свершится:

И светлую росой она его омоет,

Огонь стихий враждебных утолит,

И весь свой блеск небесный свод откроет

И всю красу земли недвижно озарит

[16].

Символ сада имеет различные толкования. В контексте данного стихотворения сад соотносится с библейским Эдемом. «Час между сумраком и светом» – время борьбы дня и ночи, Добра и Зла. В этот миг решается судьба человечества, утратившего свой рай (сад «полураздетый», опустевший от земных бедствий), но не надежду на возвращение Эдема. Неопределенность судьбы подчеркивается вопросом во второй строфе: «Не кажется ль тебе, что мир уж не проснется, / ...И что настал последний день?» [16].

Несмотря на веру человека земли в воссоединение двух миров, его дольняя жизнь изображается по-настоящему безрадостной. Нередки примеры стихотворений, когда физическое существование не просто ограничивает бытие духа, но вызывает ощущение тесноты, сдавленности, окруженности вражескими силами.

Какой тяжелый сон! В толпе немых видений,

Теснящихся и реющих кругом...

[16].

В связи с этим В. С. Соловьев обращается к гностической метафоре физического бытия как тюрьмы для томящегося духа: «Заключены в темнице мира тленной», однако низменному состоянию заточения в теле противопоставлена устремленность к «возвышенной мечте» [16].

Как и в гностической картине мира, в лирических произведениях В. С. Соловьева земное символизирует нижнюю область мироздания, а трансцендентное – верхнюю обитель Бога-Отца, куда стремится возвыситься лирическое «Я»: «Как ясно **над** тобой сияет отблеск Бога», «Затрепетал мой дух в неволе,/ И сеть порвал, и **ввысь** ушел», «И себе не верю, верю только/ **В высоте** сияющим звездам», «**Вверх** погляди на недвижно-могучий,/ С небом сходящийся берег любви» [16].

Мир в художественной системе В. С. Соловьева выстраивает не только вертикаль, описывающая иерархию божественного, но и горизонталь, измеряемая протяженностью земного пути героя, ищущего гнозис. Странствие определяется категориями близкого/ далекого: «Замерла бесконечная даль», «...все лучшее в тумане,/ А близкое иль больно, иль смешно» [16]. Очевидно, искомый Идеал достигается тяжелой и упорной борьбой, путь к гнозису предполагает преодоление не столько внешних преград, сколько внутренних, духовных страстей. Конец пути – обретение Бога в себе. В Чтениях о Богочеловечестве» В. С. Соловьев писал: «...существующая действительность есть зло, обман и страдание, источник же этой действительности и, следовательно, этого зла... лежит в самоутверждающейся воле, в жизненном хотении, и значит, спасение – в отрицании этой воли, в самоотрицании» [16].

Образ пустыни вселяет в героя чувство безысходности, острого неприятия земного бытия. Пустыня в художественном мире В. С. Соловьева – это одновременно и распутье, ненужная остановка, невозможность выбора верного направления, потеря мистической связи с Софией.

В тоске одинокой
Бледнеет надежда свиданий.
Печальные ели
Темнеют вдали без движенья,
Пустыня без цели,
И путь без стремленья...

[16].

Утрата идеала равносильна смерти, забвению, агнозису – беспамятство сбивает с предназначенного пути и грозит абсолютным небытием:

И как среди песков степи безводной
Белеет ряд покинутых гробов,

Так в памяти моей найдут покой холодный
Гробницы светлых грез моей любви бесплодной...
[16].

Наряду с этим пустыня служит местом божественного откровения, когда путь прекращается и герой в покое созерцает явление Софии. Показательна поэма «Три свидания», где пустыня символизирует и распутье, и сакральный локус. С одной стороны, находясь в пути, герой бесцельно блуждает по пустыне, оказываясь в неловких ситуациях: сначала избранника Вечной Женственности скручивают местные бедуины, приняв чужеземца в цилиндре за черта, потом освобожденного героя едва не съедает шакал. Но как только лирическое «Я» замирает в ожидании, к нему приходит чудесное видение: «И я уснул; когда ж проснулся чутко – / Дышали розами земля и неба круг» [16].

Несмотря на негативное, как у гностиков, отношение ко времени («Смерть и Время царят на земле», «Новый год встречают новые могилы»), герой В. С. Соловьева ценит прошлое и будущее [16]. Прошлое отнесено к мифологическому сакральному времени, отмеченному перводействиями Богов и Первопредков. Здесь гностицизм наиболее мифологичен – прошлое не просто связано с зарождением земли, но скрывает тайное священнодействие.

Во тьму веков та ночь уж отступила,
Когда, устав от злобы и тревог,
Земля в объятьях неба опочила
И в тишине родился с-нами-бог
[16].

Связь с сакральным прошлым, а, следовательно, и с трансцендентным миром, поддерживает память героя. У гностиков мотив памяти человека о его божественной природе, о его запредельной родине оберегает посвященного от губительного воздействия физического бытия. Забвение тайны ассоциируется со смертью. Потому для героя вопрос о подлинности воспоминаний приобретает онтологическое значение:

Иль эта мысль обман и в прошлом только тени
Забывших сердцем лиц и пережитых грез?
Перед неведомым склоняются колени,
И к невозвратному бегут потоки слез
[16].

Наряду с этим, категория земного времени интерпретируется В. С. Соловьевым как необходимое условие для достижения единства: «Как под божественным порядком все *вечно есть* абсолютный организм, так по закону природного бытия все постепенно *становится* таким организмом *во времени*» [16].

Особенно значима в концепции художественного времени В. С. Соловьева категория мига. Миг – пограничное явление между

временным и вечным, отмеченное знаком неопределенности: миг одновременно статичен и динамичен и наиболее адекватен оформлению важнейшего этапа мистерии – единения с божественным. Мистический опыт духа не укладывается в земные координаты пространства и времени. Потусторонние силы живут в мире, действующем по иным законам. Наиболее приемлемыми для его выражения становятся категории неопределенности: если в пространстве, то где-то между, если во времени, то не тогда или потом, а в конкретный момент, сейчас.

Близко, далеко, не здесь и не там,
В царстве мистических грез...
Там я, богиня, впервые тебя
Ночью туманной узнал...
[16].

Безусловно, единственным средством бегства в плерому является мистическое общение с Софией, Премудростью Божией. Признаком, по которому можно распознать свечение Идеала сквозь туманные покровы реальности, оказывается таинственный призыв из трансцендентного мира, на который откликается лирическое «Я». «Надмирное проникает сквозь ограду мира и заставляет услышать зов. Этот зов – зов иного мира» [13].

В стихотворных произведениях В. С. Соловьева мотив гностического зова из плеромы приобретает разные модификации. Прежде всего, зов – это голос, побуждающий к духовным странствиям:

В образе чуждом являлася ты,
Я вновь таинственной подруги
Услышал гаснущий призыв
[16].

Трансцендентный мир в представлении пневматика полон гармонических звуков и мелодий.

Чуть слышный отзвук песни неземной –
И прежний мир в немеркнущем сиянье
Встает опять пред чуткою душой
[16].

Голос из плеромы может вступать в диалог с героем В. С. Соловьева:

И вслух тишина говорит мне: «Нежданное сбудется вскоре»
[16].

Но когда София отдаляется, лирическое «Я» убеждается в конечности своего бытия и предупреждает, что долгая разлука может стать фатальной. Вместо благодарного отклика Идеал может услышать эхо собственного призыва:

И если некогда над этими гробами
Нежданно прозвучит призывный голос твой,
Лишь отзвук каменный застывшими волнами

О той пустыне, что лежит меж нами,
Тебе пошлет ответ холодный и немой
[16].

Также в ассоциативном ряду заметно выделяется призыв, оформленный в сакральное Слово, наделенное многими смыслами. Это может быть пророчество, которое провозглашает посвященный в тайну:

Слово может быть и заклинанием, сопровождающим мистический обряд:

Веще слово скажите!
Жемчуг свой в чашу бросайте скорее!
[16].

Примечательно, что жемчужина является древним гностическим символом гнозиса – достаточно вспомнить гностический памятник «Гимн Жемчужине», рассказывающий о духовном пути человека, ищущего божественное знание.

У Валентина Слово является одним из эонов, сотворенных Первоначалом, которое совместно с Мыслью и рожденными в союзе с ней Умом и Истиной составило Пифагорейскую четверицу.

Валентиниане верили, что мир порожден сознанием Бога: «...мы – в уме Бога»; Божественный Разум чист сердце своим, но когда Он выражает себя, в нем проявляются аспекты, предполагающие его уменьшение. Миф о Софии – «притча о рефлексивном сознании» [12]. Отсюда исходит и конечная цель гностических священнодействий – не просто вернуть потерянные зоны, но восстановить «сверхкосмическую память» [12]. Подобную мысль озвучивает и В. С. Соловьев: «Если прежде человек имел в своем сознании прямое выражение всеобщей органической связи существующего и этой связью (идеей всеединства) определялось все содержание его сознания, то теперь, перестав иметь эту связь в себе, человек теряет в ней организующее начало своего внутреннего мира – мир сознания превращается в хаос» [16]. Как самовыражение Божественного разума обедняет его, так и сознание соловьевского человека теряет целостность, когда отказывается от идеи единства в пользу эгоистичных устремлений. Опустевшее сознание становится «формой, ищущей своего содержания» [16].

Лирическое «Я» В. С. Соловьева прислушивается к своему внутреннему голосу. Его состояние напоминает медитацию, в которой голос сознания постепенно заглушается до абсолютной тишины; в «Я» начинает звучать голос Бога. Автор теории диалога М. Бубер указывает: «В каждой сфере, в каждом акте отношения, через все, обретающее для нас реальность настоящего, видим мы кромку вечного Ты, улавливаем Его веяние; говоря с каждым Ты, мы говорим с вечным Ты – в каждой сфере присушим ей образом. Все сферы заключены в Нем, Оно же – вечное Ты – ни в одной» [11].

И Слово вновь в душе твоей родилось,
Рожденное под яслями давно
[16].

Герой внимает зову трансцендентного мира в абсолютном молчании:

Зачем слова? В безбрежности лазурной
Эфирных волн созвучные струи
Несут к тебе желаний пламень бурный
И тайный вздох немеющей любви
[16].

Молчание – примета уже познавшего тайну. Среди мистиков разглашение неофитом видений и особенностей обрядов запрещалось под страхом смерти. Помимо этого, возвращенный в «земное» состояние адепт, переживший мистический опыт, не мог передать своих впечатлений на человеческом языке.

Путешествие в безвременье символизирует освобождение от земных законов – герой осознает, что высшая Истина достигается духом лишь после смерти тела, служащего тюрьмой. «Допустить, что он [человек] существует после физической смерти, можно, лишь признавши, что он не есть только то существо, которое живет в природном мире, – только явление, – признавши, что он есть еще кроме этого вечная, умопостигаемая сущность», которая «не подлежит форме нашего времени» [Соловьев, 1994: 150 – 151].

Жизнь только подвиг, – и правда живая
Светит бессмертьем в истлевших гробах
[16].

Чрезвычайно значима в лирике В. С. Соловьева световая символика:

И под личиной вещества бесстрастной
Всегда огонь божественный горит;

Зачем тебе любовь и ласки,
Коль свой огонь в душе горит;

Как злой огонь в тебе томителен и жгуч;

В полуденных лучах такую негой жгучей
Сходила благодать сияющих небес
[16].

Анализ позволяет заключить, что образ огня в поэзии В. С. Соловьева создает определенные условия для выполнения гностических освободительных ритуалов, пробуждающих «искру божественности, пребывающую в индивидуальном бессознательном» [17].

Крещение Святым Духом во Второй Книге Иеу сопровождается объяснениями, как достичь «Внутреннюю Часть Внутренних Частей» всего. Иисус дает ученикам Обереги, Шифры и Печати для прохождения каждого из охраняемых Мест: «...в Сокровище Внутренней (Части), в Места Внутренней (Части) Внутренних (Частей), которые суть Безмолвие и Тишина, и останутся они в этом Месте, ибо они стяжали Тайну Прощения Грехов» [Вторая Книга Иеу]. Понятия «внутренней Тишины», «Безмолвия» очевидно иллюстрируют духовное состояние пневматика, в котором умолкает дух и начинает звучать голос Бога. В. С. Соловьев «крещение» воспринимал как проявление божественного в земном при активном участии Софии: «...мировая душа тем самым дает божественному началу полное действительное осуществление во всем; посредством нее Бог проявляется как живая действующая сила во всем творении, или как Дух Святой» [16].

Венчает процесс духовного преображения пневматика таинство Брачного Чертога. «Можно предложить следующее толкование с точки зрения глубинной психологии: Иисус, парадигма индивидуального эго, архетип целостности, показал в своем существе союз двух в одном. Как архетип и прототип, он является примером идеального андрогина, в котором достигнуто объединение сизигий» [17].

Максимально близка к описанию таинства сцена третьего свидания в поэме В. С. Соловьева. Герой не просто созерцает Софию, он воспринимает ее как сопричастную его духу сущность – Душа Мира соединяется с душой человека:

Все видел я, и все одно уж было –
Один лишь образ женской красоты...
Безмерное в его размер входило, –
Передо мной, во мне – одна лишь ты.

О лучезарная! Тобой я не обманут:
Я всю тебя в пустыне увидал...
В моей душе те розы не завянут,
Куда бы ни умчал житейский вал
[16].

Достигается абсолютная сизигия, в которой стираются все противоречия. Больше не имеют значения пространственные различия (передо мной или во мне, конечное или бесконечное, я или ты) герой не ощущает своего ограниченного существа («безмерное в его размер входило») – он, полностью растворившись в божественном свете, проникает в «Места Внутренней Части Внутренних Частей».

Духовный подвиг земного человека воспроизводит судьбу Христа, с которым герой В. С. Соловьева отождествляется при совершении ритуала Брачного Чертога. Благодаря мистическому союзу с

Софией сбрасывается покров материального бытия, а человечество получает возможность реализовать свой божественный потенциал.

Выводы.

В результате можно выделить следующие константы художественного мира лирики В. С. Соловьева:

1. Земное бытие ассоциируется с нижним миром, область божественного находится на недостижимой высоте;

2. Гностическое понимание мира наиболее отчетливо преломилось в образе пустыни, трактуемом поэтом амбивалентно: во-первых, пустыня связана с заблуждением и утратой связи с трансценденцией, во-вторых, пустыня является сакральным местом встречи с Идеалом.

3. При формировании образа времени в лирике В. С. Соловьев придает большое значение категории мига и прошлого. С прошлым мифологически связана идея перводействий божества, давших начало мировому развитию. Память о прошлом должна вдохновить героя на поиски идеала и путей в божественную обитель. Миг – категория пограничная, в ней свершается неуловимый для человеческого сознания момент приобщения земного к божественному.

4. Герой, тяготеющий к трансцендентному бытию, сближается с гностическим пневматиком, в котором заложен божественный потенциал;

5. Путь к тайне иницирован таинственным зовом из плеромы, в стихотворениях В. С. Соловьева претерпевающим различные трансформации (голос, мелодия, слово-пароль, слово-заклинание);

6. Мистический опыт личности амбивалентен: обретение истины несет в себе радость и страдание; в диалоге с Софией герой боится не услышать ее отклика, но в то же время подлинное слияние с Божеством возможно в абсолютном молчании;

7. На протяжении своего земного пути герой принимает участие в гностических священнодействиях (крещении водой, огнем, Святым Духом, таинстве Брачного Чертога) – освободительных ритуалах. Духовное развитие героя В. С. Соловьева является своеобразным зеркальным отражением земных страданий Софии: и человек, и божественная эманация ищут пути обретения гнозиса, содержание которого заключается в восстановлении нарушенного единства. Итогом духовной трансформации героя становится отождествление его Христу – эону, с которым София вступает в сизигический союз, символизирующий восстановление целостности Плеромы (возвращение утраченного эона в полноту) и торжество гнозиса (устранение противоречий, вызванных различиями полов, тела и души, времени и вечности, земного и небесного).

References:

- [1] Losev A. F. Vladimir Soloviev and his time. – M.: Progress, 1990.
- [2] Kravchenko V. V. Vladimir Soloviev and Sophia. – M.: Agraf, 2006.
- [3] Gaidenko P. P. Vladimir Soloviev and philosophy of Silver age. – M.: Progress-Tradition, 2001.
- [4] Kozyrev A. P. Soloviev and the Gnostics. – M.: Savin S. A., 2007.
- [5] Sheludchenko D. A. The myth-making of V. S. Soloviev within the boundaries of the religious and anthropological perspective // Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. – 2012. – V. 320. – № 6. – pp. 100 – 105.
- [6] Cherkasova E. A. The elements of mystery in the poetic text of V. S. Soloviev «Homeland of Russian poetry. About Elegy "rural cemetery"» // Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and Legal Studies. – 2011. – № 1. – pp. 19 – 25.
- [7] Pasechnik V. V. Gnostic imagery in the writings of Vladimir Soloviev and Carl Gustav Jung // Bulletin Of The Chelyabinsk State Academy Of Culture And Arts. – 2013. – № 3 (35). – pp. 100 – 104.
- [8] Losev A. F. Dialectics of Myth. – M.: Mysl, 2000.
- [9] Eliade M. The Aspects of Myth. – M.: Academical Project, 2010.
- [10] Meletinskyi E. M. Poetics of Myth. – M.: Academical Project, 2012.
- [11] Buber M. I and Thou. – M.: High School, 1993.
- [12] Churton T. GNOSTIC PHILOSOPHY. From Ancient Persia to Modern Times. – M.: Ripol Classic, 2008.
- [13] Jonas H. The Gnostic Religion: The Message of the Alien God & the Beginnings of Christianity. – Spb. Lan', 1998.
- [14] Kubishkina V. O. Z. N. Gippius' lyrics as the experience of the Sophian path (based on the Collection of poems 1889–1903 and 1903–1909) // Text. Literary work. Reader: materials of the III international scientific conference on May 20–21, 2015. – Prague: «Sociosfera-CZ». – pp. 88 – 93.
- [15] Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary URL: <http://www.bibliotekar.ru/beg/index.htm>.
- [16] Soloviev V. Reading about God-manhood; Essays; Lyrics and poem; From «Three conversations»; A Brief Tale about the Antichrist. – Spb.: Artistic literature, 1994.
- [17] Heller S. Gnosticism. – M: Castaliya, 2011.